

На пике (18+)

Корреспондент «Новой» вышел на смену на склад маркетплейса и посмотрел, о чем думают и говорят люди, которые рискуют уже завтра стать очередной «легитимной военной целью»

Иллюстрация: Петр Саруханов / «Новая газета»

10:07, 20 июля 2026,

Даниил Черяпкин

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

□ 18+. Текст содержит упоминание наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров преследуется по закону.

Украинские беспилотники атаковали два склада Wildberries: в подмосковной Электростали и тамбовском Котовске. Во втором погибли семь сотрудников ночной смены. Лично я могу представить, какой жизнью жили эти люди, потому что успел отработать на подобном складе несколько смен, еще до этой атаки.

Киев подтвердил атаку на склады WB, там заявили, что атака — ответ на удары России по гражданской инфраструктуре Украины. В России удары по складам назвали спланированными терактами.

В свете субботней трагедии люди начали задаваться вопросом: может ли склад быть легитимной целью для удара? У крупных продавцов паника: что будет с их пострадавшим во время пожара товаром, который хранился на складе, будут ли компенсации от компании. Пока их обещали только семьям погибших работников.

О таком еще недавно и помыслить было невозможно. Ни в одну из смен я не слышал, чтобы кто-то из сотрудников переживал насчет ударов БПЛА, при этом единственное, что «обеспечивало» их безопасность, — небольшой ролик о

действиях в случае пожара, который показывают во время инструктажа перед первой сменой. Видимо, сейчас что-то должно измениться.

Маркетплейсы полностью изменили потребительскую культуру россиян. Они отменили походы по торговым центрам, сделав доступными миллионы товаров за пару кликов, а яркие фирменные пакеты давно уже въелись в культурный код россиян и стали привычными на фоне любого городского пейзажа.

Сама концепция пунктов выдачи у дома превратила получение заказов в рутину. И даже привела к бытовому кризису. В ленте мелькают одиозные заголовки, про то, как мужчины сталкиваются с шопоголизмом жен и уходят из семей, молодые рэперы понтуются, что могут «оплатить всю корзину» своей девушке, стендаперы пробивают однотипными шутками новое дно отечественной комедии. Ну а для других россиян (в том числе — и москвичей) маркетплейс — это неплохая возможность быстро и прилично заработать неквалифицированным трудом.

Как пишут сами маркетплейсы:

средний доход на их складах — больше 100 тысяч рублей в месяц, столько зарабатывают около 60% исполнителей, 20% получают даже больше. Очевидно, что такую революцию на рынке труда можно было бы сравнить разве что с появлением парового двигателя.

Крупные компании владеют сотнями складов и тысячами сортировочных центров от Калининграда до Хабаровска. И

продолжают расширяться. Площадки притягивают людей, которые — как и я — соблазнились предложением заработать 10–15 тысяч за смену.

Устроиться на работу — дело пяти минут. Через приложение заполняете анкету — и все! Вас ждут в ближайшем к вашему дому складе компании. Правда, все равно все за МКАДом. В частности, я поехал... Не скажу, куда, потому что договор запрещает мне рассказывать всю «внутрянку». Но у меня нет цели разглашать тайны компании, я лишь хочу показать вам людей, которые работают на складе, и рассказать их истории. И чтобы безопасника любого из маркетплейсов не хватил кондратий, когда он начнет читать этот текст, я сразу скажу главное: это вовсе не каторга XXI века, как может показаться на первый взгляд. Работа на складе — это скорее золотая лихорадка. Каждый начинает верить в возможность построить лучшую жизнь, когда своими глазами видит счастливых, которые смогли это сделать. И каждый становится рабом этой своей веры.

«Не сложнее, чем натягивать презервативы»

Огромных размеров склад стоит на окраине спального района. За ним только поле, чуть левее элитный коттеджный поселок и кладбище. Рядом ходят люди в спецодежде — корпоративного цвета верх, черные штаны. Только мусульманки в корпоративных платьях и черных платках выделяются из общего пейзажа. Из фур, припаркованных вдоль дороги, ведущей к зданию, торчат босые ножки спящих водителей. Кто-то спит прямо в пустом прицепе, рядом с молитвенным ковриком для намаза.

На КПП меня попросят отправить свои ФИО на неизвестный номер. После того как рядом с сообщением появляются две синие галочки — охранник меня пропускает. Еще пять минут бреду вдоль вереницы огромных и разноцветных ворот, где

выгружаются фуры, пока не нахожу одинокую белую дверь напротив курилки. Кабинет по подбору персонала находится на 3-м этаже. На двери висит наклейка: «За ЧВК «Вагнер».

Фото: Михаил Синецын / ТАСС

Перед тем как выйти на первую смену, необходимо пройти инструктаж и получить форму. В кабинете стоят два стола и огромные стеллажи со стопками брендовой одежды разных размеров в целлофановых пакетах.

Чуть ниже — пакеты с черной резиновой обувью. Подходящих кроссовок без шнурков на мою ногу 44-го размера не нашлось. Но зато парень с горой карточек «Альфы», который почему-то сидит тут же, за одним из столов, предложил мне «быстренько оформить» такую. Все возможности у меня есть: чтобы выйти на смену, как раз нужно просто иметь с собой паспорт, СНИЛС и ИНН. Девушка-кадровичка с самым пофигичным взглядом забирает документы и что-то щелкает на клавиатуре.

— Участвовал в боевых действиях? — единственное, что она спрашивает у меня.

— Нет.

— Умничка. Сиди у кабинета, через полчаса тебя заберут.

Хотелось бы, чтобы на инструктаж.

В кабинете инструктажа нас сидит четверо. Причины выйти на подработку у каждого свои.

Жанна бросает «трубку» со словами: «Меня больше для тебя нет». Как она мне позже расскажет, ее муж «слегка перепил». У Жанны трое детей, она работает фармацевтом в аптеке — «в ночную». На склад решила устроиться, чтобы накопить на ремонт машины, потому что ее муж сбил в Беларуси кабана.

Андрей — супер сухой алкоголик, с морщинистым лицом и мокрыми глазами, в которых видно русское поле и простор. Его «лапуля» выгнала из дома, чтобы он «принес домой колбасу».

Михаил в обтягивающей живот футболке с «щекастым» волком. Он совсем недавно перебрался в Москву из Курска, на вопросы инструктора об опыте работы на складах гордо выкрикивает, что полжизни трудился на сталелитейном. А когда тот закрылся — ушел на птицефабрику, где и узнал всё необходимое для работы в сортировочном центре. Ну и я.

Инструктор Даша здоровается с нами и оставляет одних — смотреть инструктаж по безопасности. Это видео про пожары с очень странным монтажом: люди прыгают из окон горящих квартир. Все стилизовано то ли под выпуск «Криминальной России», то ли под марвеловский комикс, где работники через диалоговые окна рассказывают, что делать при задымлении. Жанна с них угорает и толкает меня в бок. Мы начинаем беседу.

— Как вы будете совмещать ночную работу в аптеке и днем на складе?

— Так я уже не сплю два дня! Мне нравится такой ритм. Даже муж мне иногда говорит: поделись-ка бодростью! — Жанна правда выглядит даже слишком бодро для женщины, не спавшей двое суток.

Даша возвращается в кабинет и включает презентацию из пары слайдов: рассказ о масштабах, целях самой компании и расширении на другие континенты.

— Надеюсь, все понятненько... — Даша в рабочей форме стоит, оперевшись на одну ногу и, едва раскрывая рот, обращается к нам: — У кого уже есть подобный опыт работы? Вижу, молодцы... сегодня на конкретных задачах мы разберем, как работает склад, и, главное, с сегодняшнего дня вы начнете зарабатывать свои первые деньги!

Инструктаж закончен. Мы, вдохновленные, по указке Даши разбиваемся на пары (без понятия, зачем) и по очереди идем расписываться в книжке. Нам выдают пропуска и отправляют в раздевалку. Наша пара с Жанной обречена распасться: мужская и женская находится на разных этажах.

На лестничной клетке Жанна подбадривает меня и шутит, что работать на складе не сложнее, чем натягивать презервативы. Я не очень улавливаю эту метафору, но мы с ней, кажется, поймали дружеский вайб.

Трудно воровать без карманов

В первой раздевалке, забитой рюкзаками и кроссовками, мы раздеваемся до трусов. Миша-волк материт меня за то, что я обращаюсь к нему на «вы».

Десяток пар обуви стоят вдоль лавочек и шкафчиков. Сами шкафчики уже забиты, и работники оставляют свои вещи как есть. На некоторых шкафчиках наклейки от снюса, на которых написаны имена тех, кто их «застолбил»: Фарход, Шавхаз, Элер... Кто-то подошел к вопросу ответственнее: часть шкафчиков украшают не только надписи «Не занимать!!!», но и замки.

На лавочке напротив нас переодевается несколько мужиков. Они отсчитывают сигареты: думают, сколько взять с собой на смену. Как я узнаю позже, обратно пачку с сигаретами со склада вынести нельзя, и если сколько-то сигарет останутся невыкуренными, то они навсегда пропадут. Скажу больше, зажигалок на складах тоже нет, как и спичек, их вы обязаны оставить в раздевалке.

Не считая этого,

на складе нельзя иметь при себе ничего, кроме: фирменной формы, прозрачного контейнера с едой (но его нужно будет оставить во второй раздевалке), чехла под бейдж на шнурке, наличных купюр номиналом не более 200 рублей, банковской карты, обручальных колец (на безымянном пальце или тесемочке), колец «Спаси и сохрани» и крестика — почему-то только деревянного.

О телефонах с камерой и музыкальных плеерах я молчу.

Для девушек допускается резинка для волос, почему-то тоже только черная.

— Только мамочкам обычно разрешаем брать «Нокии» без камер, чтобы с ребеночками болтать, на связи быть, понятненько? — объясняла нам этот запрет инструктор Даша, — Или бабушка вдруг умирает, за которой вы ухаживаете.

В трусах, с пропуском, пачкой сигарет в одной руке и формой — в другой Андрей, Миша и я подходим к двум охранникам. Мужики из раздевалки повторяют перед охраной отрепетированный танец. Настает наш черед, но мы немного теряемся: охранники просят нас раздвинуть ноги, руки расставить в стороны, повертеться, побить пятками «захлестом» по металлодетектору, который они держат в руках на уровне пояса, и потрясти форму над столом. У Миши в этот момент прыгает грудь, и он начинает от этого смеяться.

Если так подумать, что-то пронести и тем более вынести со склада нереально, потому что на обратном пути ты повторяешь этот танец уже два раза: при выходе из рабочей зоны и — снова голый — перед выходом к раздевалкам. На некоторых складах могут попросить показать язык. По одной из легенд, которую я услышу в этот день, это правило появилось после того, как кто-то попытался вынести во рту браслет.

Фото: Донат Сорокин / ТАСС

Миновав пункт досмотра, мы оказываемся уже в другой раздевалке — пустой белой комнате с одной лавочкой и висящей под потолком, как в хоррорах, мигающей лампочкой. Натягиваем форму и топаем на производство. Андрей начинает суетиться и обращает внимание на свои штаны:

— А куда сигареты класть? — он бьет себя по отсутствующим карманам.

— Чтобы не воровали, наверное... — пытается объяснить этот факт Миша

— Да, трудно воровать без карманов, но если подумать... — футболка с фирменным логотипом тесно сжимает и так сухое тело Андрюхи, особенно когда он делает небольшую разминку, чтобы расшевелиться. О том, что он «надумал», — лучше умолчу. Но носки перед осмотром, как оказывается, тоже нужно снимать.

Философия «пика»

Наше трио встречается с Жанной и инструктором Дашей уже в сортировочном центре. Это огромное, оглушающее своей пустотой помещение из трех объединенных ангаров с очень высоким потолком, специальными разметками для транспорта и двумя сквозными проходами с каждой из сторон. Помещение поделено на зоны хранения, сборки и сортировки товаров. Между горами коробок и высоченными стеллажами суетятся люди. Всюду стоит запах клея, скотча и картона.

Мы идем к хабу — это небольшое окно, где сотрудникам выдают оборудование для работы. В очереди Жанна вспоминает, как мужчины «с района» приносят ей букеты за то, что она единственная «врачиха», которая советует недорогие аналоги обезболивающих и сосалок от кашля. Наконец, мы подходим к окошку, где нам выдают (прямо как полицейским перед выходом из участка в американских боевиках) ТСД (терминал сбора данных) — небольшой «телефончик», который отображает актуальные задачи, а также сканер поменьше, который крепится на палец, как говорят на складе — чтобы «пикать пальцем».

Двух рук, чтобы удержать все гаджеты вместе с пропуском, мне не хватает. Жанна с материнской заботой отдает мне свою резинку для волос и просовывает ее в отверстие на пропуске, чтобы я мог нацепить его на руку и не прятать в трусы (карманов-то нет). К слову, с резинками и лентами на руках или на шее все и ходят. Более опытные сотрудники используют специальную «держалку» на липучке чуть ниже плеча.

И, вооруженные двумя устройствами, мы отправляемся изучать различные сортировочные зоны.

Дальнейший «инструктаж» нам проводят не совсем на

конкретных рабочих задачах, как обещали, а скорее больше рассказывают про то, как тут зарабатывают деньги. Или же почему «всё и все зависят от пика» — дальнейший рассказ Даши я дополняю и другими историями, которые услышал от простых работников.

«Пик» — это идол склада.

Проще говоря, это одно выполненное действие по сборке товара (когда работник сканирует его штрихкод). «Сделать пик» означает «найти нужный товар на полке, отсканировать его терминалом сбора данных (ТСД) и положить в свою тележку в нужную коробку и т.д».

Фото: Михаил Синецын / ТАСС

«Пиком» также называют тариф — сумму в рублях, которую сотрудник получает за выполнение конкретного действия. Стоимость пика динамическая, прямо как на бирже, она может

меняться в течение дня и зависит от загруженности склада, габаритов товара и коэффициентов. В среднем один «пик» стоит от 2 до 12 рублей. Это если мы говорим о сортировке товаров: когда сотрудники раскладывают (а иногда и бросают) товар с ленты по коробкам для их дальнейшей транспортировки на ПВЗ. Но так же пикают свои штрихкоды и грузчики: уже каждую коробку, которую они довозят до следующего «цеха». В целом «пик» служит подтверждением того, что именно этот сотрудник произвел какое-то действие с товаром и отправил на следующий этап по цепочке.

От количества «успешных» пиков напрямую зависит зарплата сборщика. Работники отслеживают свои показатели и актуальные тарифы через специальное корпоративное приложение, — правда, только до или после смены.

Кто-то даже выбегает на перерыв в раздевалку за телефоном, чтобы посмотреть курс и в случае «маленького пика» не браться за дешевую работу. Но размер зарплаты зависит не только от «пиков». Она также зависит от рейтинга. Учитывается скорость и точность выполнения операций (приемка, сортировка, сборка товаров), то, как часто вы выходите на смены, количество брака и «потеряшек» в посылках: того, что сломали или потеряли во время работы. Зачастую не по вашей вине.

Также в сортировочных центрах используется система взаимных оценок работников. Вообще, многое строится на человеческих отношениях: как много вы пашете, сдружились ли вы с супервайзером, нашли ли вы, о чем болтать со своим напарником в зоне сортировки во время 12-часовой смены.

Толя — мастер электророхли

Продолжаем гулять нашим квартетом по производству. Единственное место, где можно присесть, — небольшие участки со «школьными» лавками, как в физкультурном зале, около вендинговых автоматов и помойных баков, вокруг которых вьются мухи.

У каждой стены или вокруг несущей колонны стоят небольшие желтые отбойники. «На бумаге» их задача — защищать несущую конструкцию склада от ударов специальной техникой или тележек с товаром, но работники любят на них сидеть или ставят на них стаканчики с водой. Но делать это строго запрещено. Штраф 5 тысяч.

На одном из таких сидит молодой парень со стаканом кофе. Инструктор Даша с улыбкой, сложив пальцы пистолетом, «стреляет» в его сторону:

— Лови штраф! — парень возмущенно вскидывает руки. — Вы тоже будьте внимательны: всюду камеры, которые следят за каждым вашим шагом, — говорит Даша, обращаясь уже к нам. А потом спрашивает, обращаясь уже конкретно ко мне:

— Грузчиком тебя же, да? Жанночка пойдет «пикать», а вы, мальчики, таскать!

Мишу она почему-то не позвала «таскать», и он заметно расстроился, что его хотят увести на «бабскую» сортировку. Ушел курить в одиночестве.

Попрощавшись с коллегами, мы с Андрюхой доходим до небольшого стола в углу помещения. За столиком, заваленным какими-то бумагами, одиноко что-то тыкает в компьютер местный супервайзер Колян — «босс грузчиков», который может открыть нам это направление на ТСД. Он колоритно

тянет «чёёёёёё» и «даааааа» и тоже не знает чёёёёё с нами делать. Оттолкнувшись от стола на стуле на колесиках, он окликает молодого парня с короткими темными волосами, легкой небритостью и глазами, полными жизни:

— Толян, обучи новенького!

— Но я занят!

— Ты *****?

Так Толя, 21-летний парень, стал моим учителем, а я — грузчиком. Никого из нашей четверки, пришедшей в этот день устраиваться на работу, я больше не видел. Только Жанну один раз разглядел в зоне сортировки в ряду с, как говорят местные мужики, «азиаточками-буряточками».

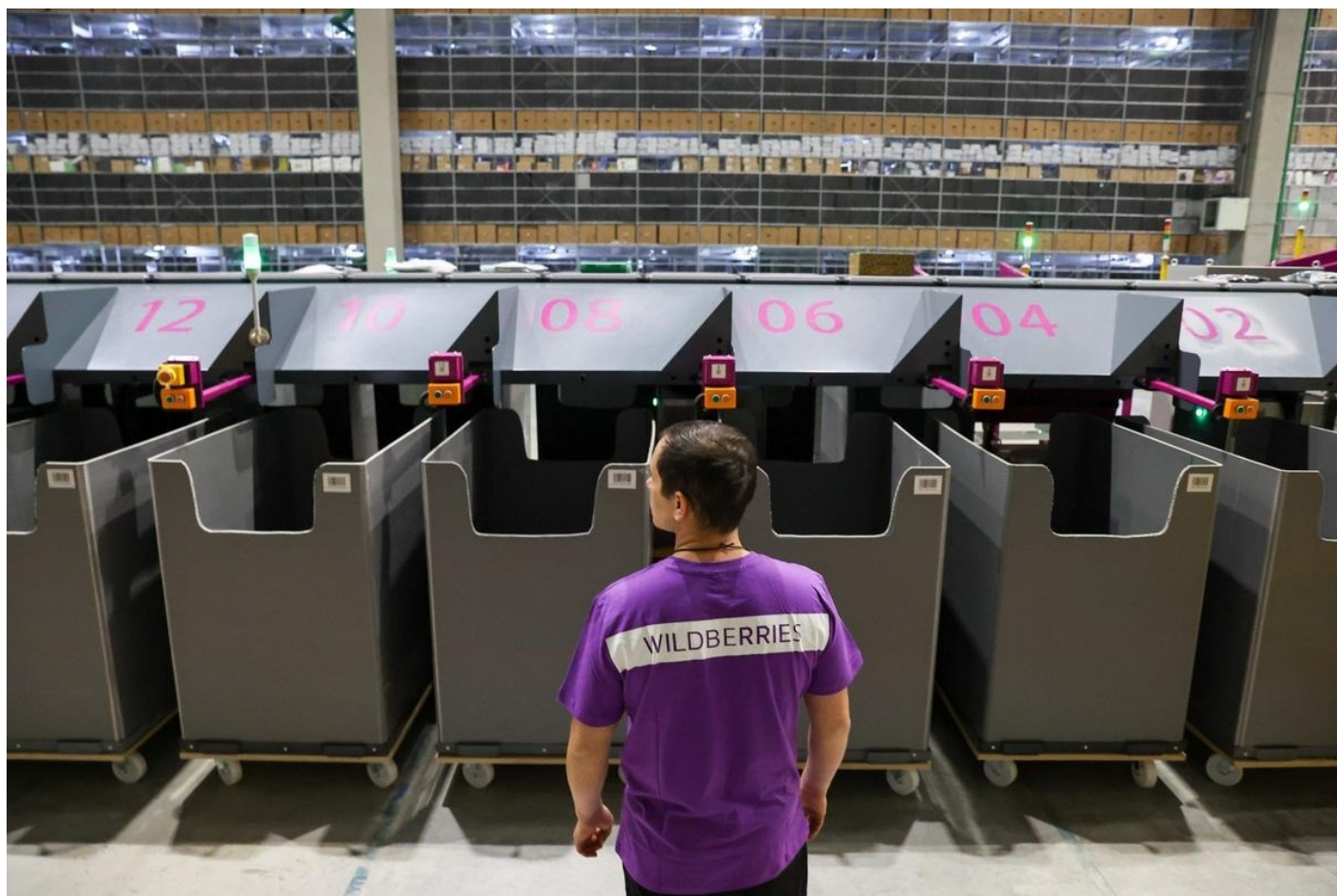

Фото: Донат Сорокин / ТАСС

Пока мы знакомимся, Толя жалуется на «дебильных

инструкторов, которые ничего не делают и отправляют к нему уже десятого парня учиться». И поспорить с этим сложно.

Он объясняет, что работу на сортировочном центре можно поделить на несколько этапов. Первый — это разгрузка и приемка, когда работники разгружают фуры с коробками, потом сканируют штрихкоды, проверяют целостность упаковки. Затем идет «предсорт» и «сорт» — это сортировка. Посылки перемещаются на конвейерную ленту или сортировочные столы («ромашки») — на сленге так называют огромный стол, вокруг которого по кругу расставлены специальные тележки (лепестки), каждая из которых имеет свой номер. — Люди считывают штрихкод каждого товара, и система автоматически определяет, в какой город, село или на Чукотку должна отправиться посылка. После того как товары распределяются по коробкам в зависимости от направления, начинается финальная стадия — отгрузка: собранные посылки загружаются в фуры, которые отправляются в другие региональные центры или на конечные пункты выдачи заказов.

Мы с Толей работаем между «квадратами» и отгрузкой. Он подводит меня к горе коробок с непрерывно их собирающими людьми и начинает объяснять суть работы.

— На ТСД тебе будет видно количество коробок с конкретным номером, тебе нужно забрать их из пункта сортировки, закрыть скотчем и на рохле (*ручной гидравлической тележке*. — Авт.) отвезти уже к стоянке фур.

Я замечаю, какая мне досталась отстойная тележка: с такой по складу хожу только я и пенсионеры. Я быстро понимаю, что с этой телегой на ручной тяге мне ничего толком и не заработать. А Толя, как пират, рассекает на своей электророхле — тележке с мотором и длинными клыками для поднятия груза: перед такими вы наверняка когда-то давно расступались в ИКЕЕ. Пацаны на складе гоняют на них с потрясающей легкостью,

разве что не встают на дыбы. И только время от времени врезаются в желтые отбойники, на которых запрещено сидеть. Как оказалось, чтобы управлять такой вот электророхлей, как у Толика, никаких знаний и документов не нужно, все учатся прямо на месте, нужно лишь поставить подпись, что ты ознакомился с техникой безопасности.

— Можно мне покататься?

Толя по-дружески смеется, но отказывает. Вспоминает, как однажды покатал на поддоне подвыпившего супервайзера Коляна — и ему прилетел штраф. «Видимо, от него же и прилетело». Потом гордо сообщает мне, что зарабатывает от 10 тысяч в день.

В какой-то момент нашей прогулки моей мечтой становится его оранжевый жилет — с карманами, без которых жизнь, правда, ужасна. Такой выдают только грузчикам на спецтехнике. Ну а моя пачка сигарет держится на резинке трусов.

Люди на складах все очень открытые, ведь все знают, почему они здесь, и не скрывают этого. Слышны разговоры ребят, которые в программе смотрят, сколько рублей-«пиков» они успели сделать. Спорят, кто успеет больше заработать за час.

Толя учит меня склеивать двухметровые коробки, так как после сортировки их выдают «нараспашку». У него это получается за секунду. Я отвлекаюсь от его обучения и не могу отвести взгляда от очаровательной девушки на «ромашке» — она сканирует поступающий со склада товар и раскладывает его по гофрам (огромным тарам) в соответствии с направлениями по городам.

В голову мне лезут мысли о мирской несправедливости. Почему она там, а со мной — Толик?

— Втюрился? Это Аня. — И Толя рассказывает мне ее историю, пока грузит собранные коробки на поддон электророхли.

— Она работает на складе уже два года. У нее достаточно богатые родители, и горя она в жизни как бы не знала. Но с 13 лет начала употреблять разные наркотики: и «муку, и шишки, и психоделики». В один день встретила с каким-то парнем. Вместе с ним начали торчать, да так сильно, что у них родился ребенок. Парень сбежал, а она пошла работать, потому что не хотела перекладывать ответственность на родителей. Тут же и встретила свою настоящую любовь. Работают через смену. Чтобы по очереди сидеть с дочкой и не упускать счастливые моменты родительства.

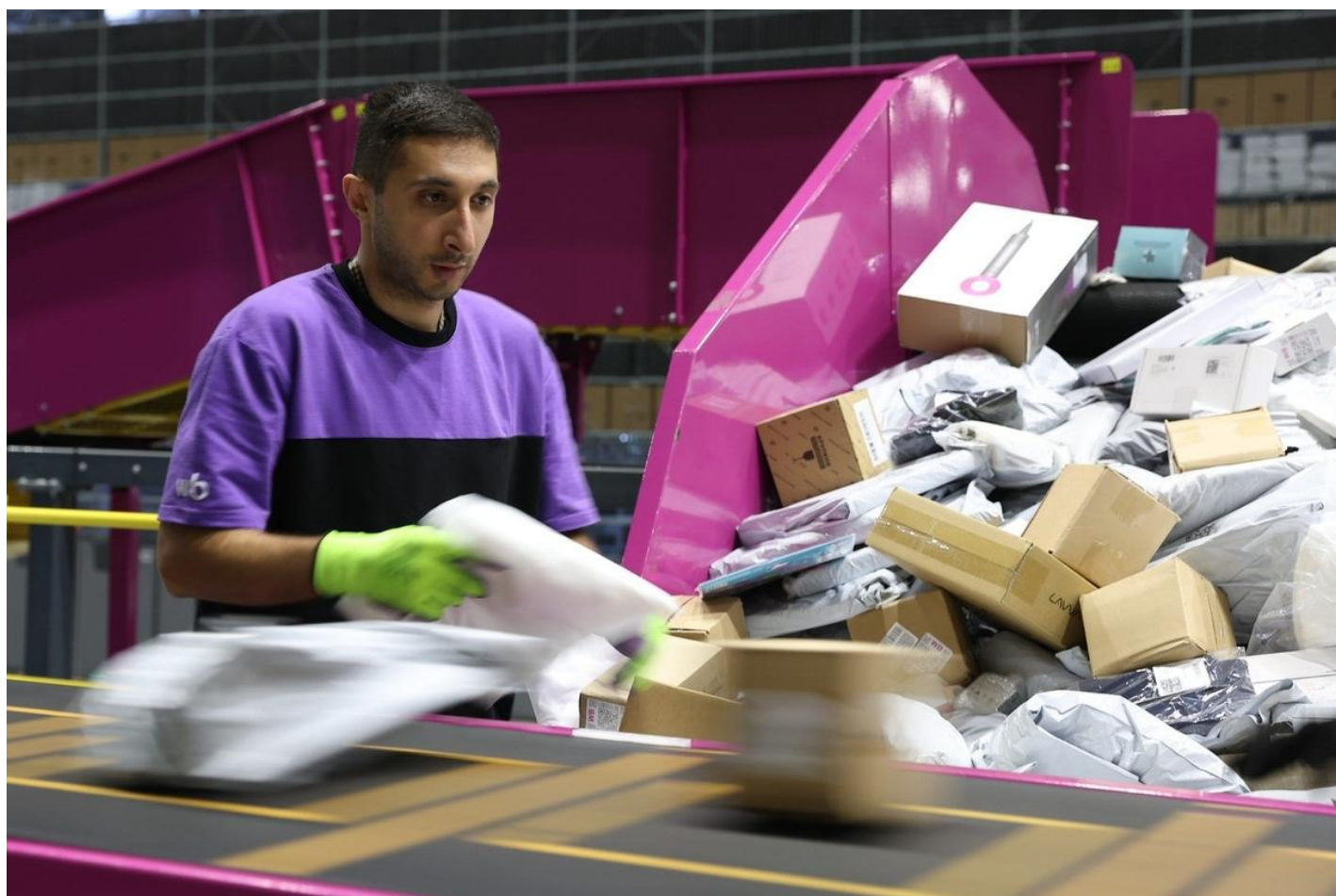

Фото: Донат Сорокин / ТАСС

Толя будто бы дружит со всеми людьми на этом складе. Эту историю Анюта рассказала ему сама во время одного из перекуров.

Ее работа на «ромашке» — одна из самых прибыльных на складе, но туда вы можете встать только на 12-часовую смену. А вот на рохле (это тоже выгодная работа), как Толя, — можно работать хоть час. Проблема в том, что получить эту работу может далеко не каждый. Как Толик мне рассказывает, «чеченская мафия разбирает всё с утра» по принципу «кто успел — того и тапки».

Толя — помимо того, что приезжает чуть ли не за час до открытия склада, чтобы успеть занять очередь на получение электророхли, — еще и настоящий ас. Вы бы видели, как он катается на ней с закрытыми глазами, параллельно «давая пять» своим друзьям! Это выглядит очень круто.

Но вместе с этим он очень серьезен и молчалив. Первый раз, когда он улыбнулся, случился из-за самой странной ситуации, которая произошла со мной на смене.

На другой электророхле вокруг нас — как в документалке про хищников и беззащитных ланей на Discovery — начинает кружить таджик Юсуф. Он злобно смеется и говорит на выдуманном языке, напоминающим китайский.

— Нашимибани бау, дзо ды!

— Ха-ха-ха, не обращай на него внимание, это наш блаженный!
— говорит мне Толя. — Ты прикинь, он даже как-то раз в коробку насрал, которую вез! Говорю, крыша без тормозов!

Как позже оказалось, история про коробку — их классический прикол над новенькими. И вполне себе забавный — я чуть было не купился. Но что меня слегка смутило: Юсуф за весь день так

на русском мне ничего и не сказал.

Коробок настолько много, что они мешают ходить. Молодой парень, как он гордо представляется — «прессер», тоже друг Толика, рассказывает про «самую страшную» работу на складе:

— Ты ходишь с канцелярским ножом и разрезаешь коробочки, чтобы потом сложить их в отдельную кучу. А если никто не будет их резать — всему придет *****. Потому что горы, без преувеличения, четырехметровые, вот такие кучи просто коробок стоят. Меня даже первые смены успокаивала такая монотонная работа. Взял, разрезал, надавил, кинул, «прессанул». Но проблема в том, что ты можешь сколько угодно часов делать это, а потом обернуться и увидеть еще больше этих коробок! Как будто ты пьешь пиво изо всех сил, а оно не заканчивается!

— Вообще, неплохо звучит про пиво.

— Ты меня понял!

Штрафные

После первой успешной отгрузки коробок иду на перекур. Для этого нужно выйти со склада в специальную дверь, за которой будет небольшой «дворик», огороженный металлической решеткой. Как сказал один пожилой работник, который курил тут же: «Да, как в зоопарке!» Его волосы настолько белые, что будто светятся.

Три «бабушки» (на складе реально много пенсионеров) протягивают мне свои ментоловые Kiss, чтобы я прикурил. Я вначале теряюсь и говорю, что всё есть, только зажигалку бы найти. Они смеются. В курилке всегда кто-то есть, все прикуривают друг от друга.

— А что будет, если кто-то докурит, а новый человек не успеет подойти и «очаг» погаснет? — интересуюсь я у пенсионерок.

— Блатные супервайзеры носят зажигалки, им можно. А вообще, «фуры» помогают, если всё погасло.

— Кто?

— Ну водители фур, мы к решетке подходим, кричим им, они огоньком всегда угостят.

Разговор постепенно переходит к главной проблеме всех работников склада. К штрафам. Как я убедился, разговаривая с разными людьми,

зарабатывать 10 тысяч за смену — более чем реально, несмотря на адский и монотонный труд. Но также нередки истории, когда половина из этих денег может уйти на штраф за «сидение в неподобающем месте» или «ошибку при сборке товара».

Последний пункт звучит в целом логично, но проблема в том, что товар проходит через множество рук, и если брак обнаружится на позднем этапе, то сумма штрафа за условный разбитый айфон будет распределяться на ВСЕ звенья цепи, которые сделали свой «пик».

Пример с айфоном, кстати, абсолютно реальный. Вот мне рассказывал один мужик: «Кореш мой вышел так на смену, в один из первых дней получил сорокачет (штраф 40 тысяч) и больше на смену не выходил». Мое удивление по поводу таких огромных штрафов вызывает у него только снисходительную

улыбку. Как у моих родителей, когда во время пубертата я кричал, что брошу всё и уйду в консерваторию. Работники тоже давно смирились.

И таких штрафов у сотрудника могут быть десятки. За одну смену. Зачастую суммы, конечно, не такие крупные. И еще есть возможность оспорить решение, но доказать свою правоту практически невозможно. Короче, и тут процент оправдательных приговоров совсем не велик.

Фото: Донат Сорокин / ТАСС

В курилке я знакомлюсь и с молодой тусовкой. Это Антон и Степа, у обоих — зализанная набок каким-то гелем укладка.

— ...Мы работали тогда уже две недели и знали, что любая сигарета «взорвет» склад, — рассказывает мне Антон популярную местную байку. — Ведь тут, прикинь, как загорится всё быстро в случае чего! Но и штрафы за курение конские.

Короче — курить плохо. Особенно не в тех местах. И тут мы видим, как парень лет 18 вышел сразу с лестницы — и закурил. Еще буквально пару шагов ему оставалось дойти до самой «курилки», но до него докопался охранник. Табличку показал: «Штраф 100 тысяч рублей». И этому типу становится так плохо, короче он бледнеет, трясется и падает, будто кони двинул. Охранник начинает звать на помощь. Мы побежали за водой и...

— И чем кончилось?

— Мы сами до конца не поняли. Замкадыш затянулся на такие деньжищи, каких и не видел никогда, и лежит — ждет скорую. Охранник ему кричит: «Братан, ты только не умри, меня из-за тебя посадят».

Мой случайный коллега с его другом сходится во мнении, что парень решил обмануть охранника, чтобы не получить штраф.

С этими же ребятами, которые, как я узнал, уже долго работали на разных складах, мне удалось «закорешиться». Договорились увидеться после смены и обменяться байками. Прощаюсь с Толей, он очень удивляется, что я не отработал и восьми часов — и уже ухожу.

Время идет к ночи, место встречи — обычная хрущевка. Стоящие в зеленом подъезде искусственные цветы у всегда открытых в летнее время окон. Пятилитровка «Шишкиного леса» — единственное, о чем меня попросили, — болтается в левой руке.

«Минус БПЛАшечка!»

Мне представляют Федоса, парня 20 лет. Федос сидит на табуретке и широко улыбается. Он уже успел отмотать несколько месяцев по малолетке. В Бога он не верит, но

благодарит его за то, что в «тот день» куда-то «сдуло» 1 грамм, и «народная статья» не превратилась в тяжкую. С любовью Федос рассказывает про Антона и Степу, которые в те непростые дни отправляли ему посылкой учебник по итальянскому и записали даже в его честь рэп.

— Я тоже на складе тусил, но тяжело как-то было... — рассказывает Федя. — Пошел на ПВЗ и понял, что очень ошибся. Не хватает мне разговоров с людьми...

Уже стоит глухая ночь, ребята травят анекдоты. В сортировочном центре они были так же навеселе, как и сейчас.

— Однажды я подхожу к, грубо говоря, старшему смены на складе и говорю, мол, я хочу пойти попить кофе. Он как посмотрит на меня и говорит: «Ты европеец или что? У нас нету кофеварок, это Россия, *****, мы тут до талого. Иди разгружай «рохлю»!»

Ребята устроились на склад маркетплейса сразу как окончили школу. Хотя нет, не сразу. Сначала пошли дальше учиться: Антон на экономиста, а Степа — в академию МЧС. Оба слетели со второго курса и теперь шутят, где будут «искать плюхи, когда пойдут в армию». И в армию идти совсем не хотят. Среди других «ребят на районе» — они белые вороны: работа на складе всем из их окружения кажется очень сомнительным делом.

Они рассказывают невероятные истории: будто склады выполняют функцию «трудовых притонов» для «аптечных наркоманов». Вспоминают, как дагестанцы угощали их «лирикой», курили с ними «бланты» прямо на месте, и рассуждают о «черных аптеках».

— ...да ЖБ (*железобетонно*. — **Ред.**), я тебе говорю! — отсекает друг Федоса мое легкое сомнение в том, что на складе все работники — зависимые и работают «под чем-то». — При мне летал тип под буталином, он вообще больной. Понимаешь, максимум за смену можно заработать 10 тысяч, если ты упахиваешься, а он всегда делал больше, работал 12-часовые смены почти каждый день и хлопал себя ладошками по щекам. И будто вообще никогда не уставал.

— Да-да! Чё, думаешь, можно брать капли для глаз на склад (если договориться с охранниками, конечно)? Всё они понимают. Работники им нужны. — Антон разрезает баклажку «Шишкиного леса» и отщелкивает значок от рюкзака, чтобы дырявить фольгу.

— Без «капель» тяжело работать? — спрашиваю я у тусовщиков.

— Эти «пики» крышу мне снесли, — включается в разговор Степа, очень тихий парень, который до этого сидел в капюшоне и делал ставки на футбол в трещинах убитого айфона. — Пик-пик-пик, мне они снились после первой смены... пик-пик-пик... этот вечный звук, который преследует тебя почти каждую секунду может реально с ума свести. Да, солевые? — он обращается к друзьям.

Так на подростковом сленге называют людей, употребляющих «соли». Но Федос и Антон заверили меня, что «особо и не употребляют»

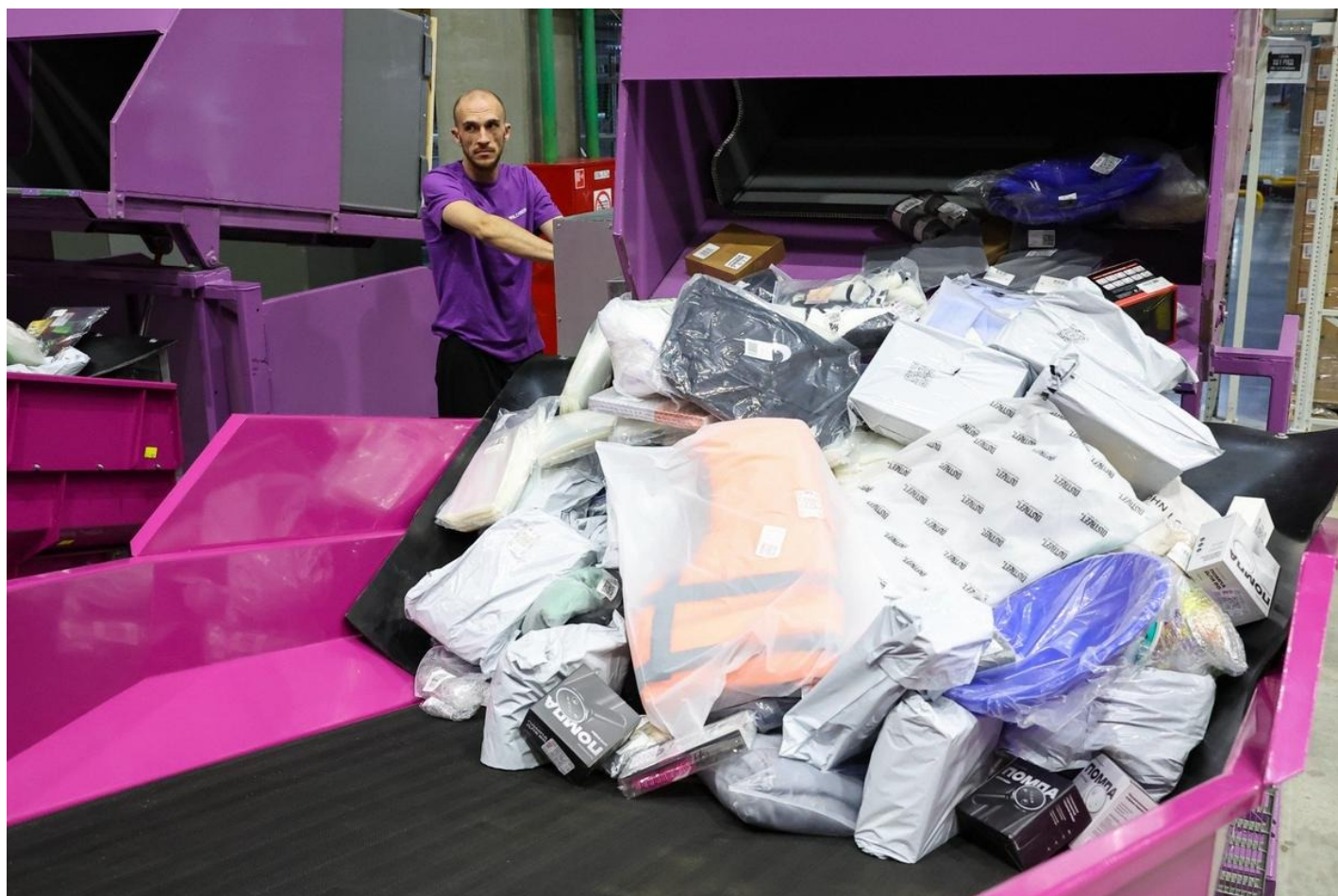

Фото: Донат Сорокин / ТАСС

Тихий Степа почему-то резко переходит на резкие интонации, и Федос успокаивает его:

— Ты, Степа, пойми, от твоего громкого голоса вода наполняется агрессивной энергией и теряет минеральные свойства. Ты зачем нам водник портишь, Степа?

Степа потом мне честно рассказывает, как однажды, работая еще на другом складе, перенервничал и прямо на месте съел коробку конфет из посылки, спрятавшись в курилке.

За окном слышны взрывы — в Подмосковье в последнее время неспокойно. Ребята и сами готовятся «взорвать» — по крайней мере, с такими словами они поджигают колпак и затягиваются. На каждый «выдох» они

приподнимаются и хором восклицают: «Минус БПЛАшечка!» Но все-таки пугаются, когда за окном снова бахает.

— Понимаешь, склад это лайфстайл, — говорит мне Антон. — Мы с братанами вместе выезжали на ночные смены, всю ночь болтали, тусили и на утро возвращались уже с неплохой суммой в кармане. Но это совсем не главное.

— Чё ты городишь! Ты сто раз прикуривал и не доезжал до склада, так что мне приходилось выходить с «Абдулами» разными! — врывается возмущенный Федос.

Вообще, я заметил: к коллегам из ближнего зарубежья у тусовщиков отношение сложное: вроде как и «покурить блант с ними на месте не в падлу». Но и в пловную недалеко от склада они никогда не пойдут. «Чурки же приготовили».

В качестве объяснения собственной настороженности мне рассказывают легенду.

— Мой бывший одноклассник барыжил шмалью, потом его взяли за жопу и поставили на счетчик джигиты с местной кальянки. Была у нас такая на окраине, такая избушка рядом с «закладочным лесом» — если чуть прогуляться от школы. Стабильно продавали там гашиш школите местной, только просили заказать какой-нибудь чай в стол или кальян. Мы даже пытались вместе что-то намутить, но то было давно...

— Он учился в 90-е? — с иронией перебиваю Антона, который окончил школу пару лет назад.

— Нет, в прошлом году! Какая схема, смотри! Они же барыгу ментам не сдают. Задача — поиметь максимальное количество с него денег. Они говорят: если ты не будешь давать нам деньги,

мы на тебя пишем заяву: такой рэкет в стиле спальников. И вот он решил на складах найти эти 400 тысяч, чтобы им как-то заплатить.

— Минус БПЛАшечка! — кричат довольные, но слегка на панике тусовщики после очередного взрыва вдали.

— И смог?

— Каждый день работал в течение трех-четырех месяцев. Делал там, начиная от 6 тысяч в день и так до 10, когда освоился. Так и закрыл «долг».

Как я узнал позже, сейчас этот парень всё так же живет с родителями и регулярно гуляет по лесополосам. Родители, к слову, о «долге» и не слышали, сын хвастался, что купил подружке новые AirPods.

И не только.

«Не мути с местными»

Моя очередная смена начинается с перекура. На стене в курилке то ли черным маркером, то ли тлеющим бычком написано: «Бандитский Петербург».

На лестнице сидит мужчина. Это Далер. У него глаза голубее любого электробуса, тату в виде иероглифов на шее и две судимости. По этой же причине устроился работать именно сюда. «На документы плевать особо, да и на судимости тоже». Далер — тоже грузчик, но на другом этапе работы. Если я собираю, клею и отвожу к коробки к фурам, которые уезжают со склада, то он, наоборот, — разгружает огромные паллеты, которые сюда приезжают. Где-то недалеко разгружает другую фуру и его отец.

В ожидании новой фуры он поглядывает через металлическую

решетку и разговаривает с осой, которая каким-то образом сюда залетела (просветы решетки малы даже для нее). Друг Далера — Умар — откровенно возмущен и тоже ругается на нее.

— Наа! Лови, хочешь затянуться? — он пытается сунуть сигарету в осиный «рот» и материт ее, чтобы она поскорее «*** отсюда, пока может».

Он мне представляется «прожженным дагестанцем». Говорит, что «так-то не местный, но местнее многих других понахаевших типа москвичей».

Эти ребята проводят мне свой инструктаж, совсем не такой, как проводила Даша.

Вокруг нас собирается толпа людей. За порой «спорными» советами все-таки проблескивает настоящая забота.

— Пьешь? Нет? Начнешь. Вот мы с Далером после каждой двенашки (12-часовой смены) идем в КБ сразу. За конь-яч-ком!

— Умар игриво смакует слоги. — Чё, пиво нам хлебать, по-твоему? Ты еще малой, зеленый, бусинкой тут стоишь. Вот с наше отработаешь и поймешь, — он долго думает и резко выдает: — Вот зачем мне дома орать и бить свою жену? Зачем толкаться в метро с идиотом? Зачем агрессивовать здесь на дурака какого-то, если я могу зайти за коньячком в кабэшку. Квартира своя? У меня бы, если бы своя была, я бы сразу *** отсюда. Почему? Да зачем мне бы тут тогда быть? Мне бы косарь на еду и вечером на кабэшку. Но нужно за хату платить, свет там...

Только у Умара нет жены, которую он не бьет благодаря коньяку из «Красного и Белого». И в метро он не ездит. Они снимают с Далером и парой друзей квартиру в 15 минутах отсюда.

— Ты пойми, главное *** (стараться).

«Стараться-стараться и стараться». Тебе повезло, что на грузчика поставили. Штрафов нет. Такая коррупция тут! Ну ты сам всё увидишь! Вот мне до сих пор штрафы приходят.

А я *** грузчик! Вот у нас пару дней назад чел 18 лет сел на элетророхлю впервые, врезался в столб и палец ему отрубил. Другой пацан два дня назад повесился в соседнем хостеле. 50 лет пацану было. Около того. Он мутил с бабой, *** (побил) ее нормально, а она — все вещи собрала и сбежала от него из хостела. Часа четыре он шлялся по району, потом пошел в номер, напился и повесился. Я даже не понимаю, как это возможно... В гостишке же всё на соплях, — мы молчим пару секунд. — А у тебя баба-то есть? Да какой там, у тебя глаза-бусинки для бабы еще. Одно тебе скажу: не мутить с местными.

Предательски не вовремя приезжает фура, и Далер с Умаром бегут к выходу из курилки, чтобы первыми начать ее разгружать. Я кричу им вслед:

— Почему не мутить с местными?

Далер отмахивается, смеется и исчезает за дверным проемом. Но курилка не пустеет. Рядом садится молодой парень с голубой челкой и достает телефон, а его лысый друг лет шестидесяти — зажигалку, вещи вроде как строго запрещенные на складе. И они начинают на одном телефоне сидеть в тиктоке за сигаретой.

— Ну и фирма у тебя, не курю такое! — удивляется его лысый друг Harvest'у в шоколадной бумаге.

— А тебе кто предлагал? Кури «Приму» свою.

Между парой друзей огромная разница в возрасте. Говорят они мало и будто на своем языке, чаще хмыкая и агакая.

— Как вы смогли пронести телефон? — в лоб интересуюсь я у голубой челки.

— Блатной. У меня «лопата» еще, — добавляет он. — Это такой специальный ТСД, сразу совмещенный со сканером, их мало на складе очень.

«Блатные» на складе, правда, есть. Обычно это друзья супервайзеров. И из плюсов тут не только зажигалка и смартфон. Именно друзьям и достается повышение по условной карьерной лестнице: именно они становятся новыми супервайзерами, и их ставят без очереди на более выгодные позиции на сортировочном центре.

Перекур окончен. Оса смогла улететь из «клетки». Как я рад видеть моего друга Толю на электророхле.

Кровать «кинг-сайз»

Он очень на меня ругается, что я отнял у него 20 минут, чтобы настроить ТСД, потому что он всё никак не хотел синхронизироваться со сканером. Вместо того чтобы учить меня клеить коробки и настраивать полуработающую технику, за это время он «мог бы уже столько заработать!». Что правда: «пик» одной коробки сейчас стоит 14 рублей. Толя научился нагружать их около десяти штук за раз. И за пару минут довозить до фур. И такие круги он делает по восемь или даже 12 часов почти каждый день.

Зарплата работникам склада приходит раз в три дня на виртуальный счет, откуда потом вы можете вывести «пики»-рубли на карту. На этот

же виртуальный счет начисляются и штрафы.

Ближе к концу смены мы случайно встречаемся у выхода, и Толик, наконец, начинает разговор не только о коробках да скотче.

Мы сидим на остановке снаружи, пока он ждет корпоративный автобус до Мытищ.

— Я же сам из Вологды... еще лет в 18 свалил из дома, когда закончил 11-й класс и приехал сюда работать на этот склад. Жил в этом мотеле, — он показывает пальцем на здание прямо напротив огороженной территории, то самое, где повесился «пацан лет пятидесяти». — Делил комнату с мужиками за... что-то около пятихаты.

— Сейчас ты там же живешь?

— Нет-нет! Накопил на свою квартиру съемную. Я всегда, знаешь, хотел, чтобы у меня была своя! Своя двухспальная кровать и не слышать ругань родителей до и после школы.

Толя постоянно жмет руку, заканчивающим смену работникам.

— Заработать на складе, конечно, можно, но я тебе только одно посоветую: не мечтай о многом. Ты потихоньку работай, учись, осваивайся, и все у тебя здесь будет.

— Какие у тебя вообще планы? — я сам не понимаю, что имею в виду: то ли на жизнь, то ли «Толя, погнали — выпьем пива и поговорим о чем-нибудь еще!».

— Завтра на смену, в проге написали, что будет хороший коэффициент.

Мы жмем руки. К остановке подъезжает корпоративный

автобус. Совсем молодой Толя и еще пара мужиков постарше прикладывают пропуск, чтобы в него войти. Водитель закрывает двери и едет в Мытищи. Толина улыбка скользит мимо меня в окне уходящего автобуса.

Толя всегда мечтал о двуспальной кровати «кинг-сайз», и он добился этого. Но продолжает спать на ней один.

Толя — настоящий мастер электророхли.